

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

В.А. Сахаров*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ИСПОВЕДЬ» ИОАХИМА ФОН РИББЕНТРОПА

Письмо И. фон Риббентропа У. Черчиллю с информацией о его последней беседе с Гитлером представляет определенный интерес не только для историков, но и для широкой общественности, поскольку затронутые в нем проблемы происхождения и развития Второй мировой войны оказываются в центре ведущейся идеологической борьбы и психологической войны.

В своем письме И. Риббентроп пытался представить политику гитлеровской Германии в отношении Англии, как дружественную, а также обосновать непричастность свою и Гитлера к возникновению Второй мировой войны. Он предложил свою версию возникновения этой войны: как следствие усиления в Германии после подписания с СССР Пакта о ненападении, коммунистической пропаганды, поставившей под угрозу единство германского народа, что вызвало радикализацию национал-социализма. Эта версия позволяла снять или уменьшить ответственность Германии за начало Второй мировой войны. Будучи заявленной, она осталась необоснованной, противоречащей сообщаемым самим Риббентропом оценкам и мыслям Гитлера. Пытаясь оправдать себя, Риббентроп рассказывал о своих разногласиях с Гитлером, о своем негативном отношении к репрессиям, которые имели место в Германии, надеясь, что это может облегчить и положение поверженной Германии, и его собственное положение в новом мире.

Анализ содержания этого документа приводит к выводу: главное, что могло быть позитивно оценено У. Черчиллем в этом письме и могло облегчить положение Риббентропа, была версия возникновения Второй мировой войны по вине коммунистической идеологии и Советского Союза. Поэтому ознакомление У. Черчиллем И.В. Сталина с письмом И. Риббентропа могло иметь некоторое политическое значение в качестве одного из аргументов в пользу версии об ответственности СССР за осложнение его отношений с Англией.

Ключевые слова: Риббентроп, Гитлер, национал-социализм, Англия, Германия, Россия, коммунизм, Сталин.

---

* Сахаров Валентин Александрович — доктор исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; e-mail: wsaharov@mail.ru

I. von Ribbentrop's letter to W. Churchill with information about his last conversation with Hitler is of some interest not only for historians, but also for the general public, since the problems of the origin and development of the Second World War raised in it are at the center of the ongoing ideological struggle and psychological warfare.

In his letter, I. Ribbentrop tried to present Hitler's Germany's policy towards England as friendly, as well as to justify his and Hitler's non-involvement in the outbreak of World War II. He offered his own version of the origin of this war: as a consequence of the strengthening of communist propaganda in Germany, after the signing of the Non-Aggression Pact with the USSR, which threatened the unity of the German people, which caused the radicalization of National Socialism.. This version made it possible to remove or reduce Germany's responsibility for the outbreak of World War II. Being stated, it remained unfounded, contradicting the estimates and thoughts of Hitler reported by Ribbentrop himself. Trying to justify himself, Ribbentrop talked about his disagreements with Hitler, about his negative attitude to the repressions that took place in Germany, hoping that this could ease both the situation of the defeated Germany and his own position in the new world.

An analysis of the contents of this document leads to the conclusion: the main thing that could have been positively assessed by W. Churchill in this letter and could have eased Ribbentrop's situation was the version of the emergence of the Second World War through the fault of communist ideology and the Soviet Union. Therefore, W. Churchill's acquaintance of I.V. Stalin with I. Ribbentrop's letter could have some political significance as one of the arguments in favor of the version about the responsibility of the USSR for the complication of its relations with England.

Key words: Ribbentrop, Hitler, National Socialism, England, Germany, Russia, communism, Stalin.

Введение

Вниманию читателей предлагается интересный документ — письмо бывшего министра иностранных дел германского Рейха Иоахима фон Риббентропа, адресованное премьер-министру Англии У. Черчиллю и министру Иностранных дел Англии А. Идену, в котором он сообщал о содержании своей последней беседы с Гитлером и своих версиях и оценках ряда важных проблем Второй мировой войны. В историографии история появления этого письма И. Риббентропа, реакция на него У. Черчилля и его решения ознакомиться с ним И.В. Сталина не нашла своего отражения. Данный документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде документов И.В. Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д.275. Лл. 66–77). Он представляет собой

приложение к письму премьер-министра Великобритании У. Черчилля маршалу И.В. Сталину.

Свое письмо И. Риббентроп направил фельдмаршалу Монтгомери с просьбой переслать его У. Черчиллю и А. Идену. Письмо не датировано. Риббентроп писал:

«ФЕЛЬД-МАРШАЛУ МОНТГОМЕРИ

Сэр,

Я был [бы] весьма признателен, если бы Вы направили это письмо «Британскому Премьер-Министру, г-ну Винценту Черчиллю и Британскому Министру Иностранных дел, г-ну Антонии Идену лично и конфиденциально. Его содержание касается, как Вы увидите, послания, которое дал мне фюрер перед своей смертью.

Ваш,

(подпись) Иоахим фон Риббентроп»¹.

Монтгомери переслал письмо И. Риббентропа У. Черчиллю. Его реакция на это письмо не известна.

12 июля 1945 г. британский посол в Москве Франк К. Робертс направил Наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову письмо, в котором сообщал: «Когда Риббентроп был схвачен в Гамбурге, при нем была обнаружена записка фельдмаршалу Монтгомери, в которой он просил последнего передать прилагаемое при сем письмо «Британскому Премьер-Министру, г-ну “Винценту” Черчиллю и Британскому Министру Иностранных дел, г-ну Антонии Идену, лично и секретно».

Г-н Черчилль желает, чтобы текст этих документов был передан Премьеру Сталину. Копии при сем прилагаются, и я был бы благодарен, если бы Вы сообразовали озаботиться передать их Премьеру Сталину вместе с сопроводительным личным посланием г-на Черчилля»².

Письмо Черчилля было предельно кратким:

«ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ.

При сем приложено письмо, которое Риббентроп адресовал мне и г-ну Идену. Я думаю, что его содержание отчасти представляет для Вас интерес, хотя оно очень длинное и скучное»³.

Такая характеристика этого письма («очень длинное и скучное») для У. Черчилля, как политика, не удивительно — «лист истории

---

¹ Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 275. Л. 65.

² Там же. Л. 63.

³ Там же. Л. 64.

перевернут», и Черчилль уже начал писать новый «лист истории», он планировал новую мировую войну против СССР — по плану операции «Немыслимое», в соответствии с которым уже 1 июля 1945 г., войска Англии, США и возрожденных частей бывшего германского Вермахта должны были атаковать войска Советской армии в Европе, чтобы отбросить их на восток. И.В. Сталин знал об этом плане.

Союзнические (дружественные) отношения США и Англии с СССР закончились, начались отношения враждебные. Граница между ними — другом (союзником) и врагом — весьма условна, размыта, и вражду от дружбы отделяет один шаг. Это отразилось и в терминах: «друг» — «не друг» — недруг = враг. Отразилось это и в жизненных наблюдениях: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...» (В. Высоцкий). Итак, вчера — друг, (друг = не враг), сегодня уже он — недруг (=враг).

Последние, личного характера, письменные контакты между Сталиным и Черчиллем, которые будут приведены после этого письма И. Риббентропа, подтверждают уже произошедшие изменения в их отношениях.

* * *

Пытаясь установить политические контакты с английским руководством, И. Риббентроп, очевидно, надеялся повлиять на свою судьбу в будущем. Конечно, он прекрасно понимал, что после поражения Германии в мировой войне, к возникновению которой он имел самое прямое отношение, его в этом мире не ждет ничего хорошего. На это указывает избранная им тактика: он не оправдывался. Своей вины в возникновении Второй мировой войны, как и вины Гитлера и Германии, он не признавал.

Он объяснял и указывал на истинного, по его мнению, виновника возникновения мировой войны — на коммунистическую идеологию и СССР. В этом отношении его письмо не содержит ничего концептуально нового. Но для того времени это указание для всех противников СССР было политически актуально и важно.

Для историков это письмо Риббентропа также представляет определенный интерес, прежде всего потому, что изложенные в нем представления о происхождении Второй мировой войны, не остались «в прошлом», а имеют серьезное политическое значение и в наше время, постоянно находя отражение как в научной исторической литературе, так и в кино, в художественной литературе, в средствах массовой информации, обслуживая определенные политические интересы.

Это естественное для И. Риббентропа в той ситуации стремление представить события в выгодном для себя свете наложило свой отпечаток на текст обращения, в котором он пытался представить не только себя, но и Гитлера, и германский фашизм в качестве защитников интересов капиталистического мира от опасностей, исходящих от идей коммунизма и СССР. Очевидно, Риббентроп пытался таким образом сформулировать главный аргумент собственной непричастности к созданию ситуации, приведшей к войне между Германией и Англией и, как минимум, сохранить себя в этом мире, а, возможно, и обеспечить себе хорошее место в нем.

На это указывают его заявления о своей непричастности к судьбе английских военнопленных в Германии, к репрессиям против евреев, церкви, масонов и т.д., а также выражение им надежды на то, что в Англии все еще применяется «к побежденному врагу старый благородный английский обычай честной игры», соблюдение которого может «помочь установить лучшее будущее для всех народов», к чему якобы стремился и Гитлер, и он сам, Риббентроп.

В этом письме Риббентропа имеется также информация, проливающая дополнительный свет на личность самого Риббентропа, его идеологические и политические взгляды, а также на Гитлера как политика. Риббентроп открыто встает на защиту имени и дел Гитлера, обвиняя других соратников Гитлера в предательстве его и его дела.

Свою, намеченную на более позднее время, передачу британскому главнокомандующему данного письма, он объяснял желанием информировать У. Черчилля о содержании последней беседы с Гитлером, в которой фюрер пояснял свои взгляды относительно возможности выстраивания взаимовыгодных отношений между Германией и Англией. Риббентроп подчеркивал свою солидарность с этими установками Гитлера и фиксировал их обоюдное стремление к урегулированию германо-английских отношений во время мировой войны, до самого конца ее, в чем он, Риббентроп, должен был сыграть важную роль.

При всей фантастичности ряда сформулированных Риббентропом положений, в его утверждениях есть и правда. Это, в частности, относится к утверждению об упорном стремлении Гитлера к достижению договоренности с Англией относительно мирных уступок с ее стороны, для того чтобы Германия снова могла войти в семью стран-господ и маниакальной вере в возможность склонить к этому Англию.

Описывая политические проблемы, которые Гитлеру и ему приходилось решать, Риббентроп фиксирует соответствовавшие действительности политические установки Гитлера, который был озабочен созданием условий для «установления стабильного равновесия между крупными политическими районами для того, чтобы вновь и неотразимо не развилась новая военная катастрофа в Европе над Британской Империей и во всем мире». Интерес представляет и оценка некоторых, хорошо известных черт Гитлера как человека и политика, которые во многом определяли всю политику фашистской Германии: «хотя он и был импульсивным, он никогда не изменял своих основных убеждений». Следует с доверием отнестись к утверждению Риббентропа об отсутствии у Гитлера мыслей и планов ведения войны с США, к которой Германия была абсолютно не готова.

Межимпериалистические противоречия Германии с США, Англией и Францией, Риббентроп не рассматривал как одну из причин возникновения Второй мировой войны. В этом письме начало мировой войны Риббентроп связывал не с англо-германскими отношениями, а с подписанием Пакта о ненападении между Германией и СССР в августе 1939 г., который, якобы, привел к усилению коммунистической пропаганды в Германии, что, по его утверждению, нарушало единство германского народа. Ответом на эту угрозу стала радикализация национал-социализма в Германии.

Не объясняя политического механизма этих процессов, И. Риббентроп утверждает, что именно они привели к войне. Не с СССР, а с Польшей, а также Англией и Францией, объявившими Германии войну, формально из-за нападения Германии на Польшу. ***Этот тезис у него прописан весьма туманно и не аргументировано.*** Но вывод им был сформулирован вполне определённо: ответственность за обострение германо-английских отношений и начало Второй мировой войны лежит на коммунистических идеях и, значит, на СССР. Это утверждение служило Риббентропу основанием для его оценки Гитлером характера Второй мировой войны, которую, по его утверждению, Гитлер рассматривал «как войну между нацистской и коммунистической мировой концепцией».

Странная картина: нападение Германии на Польшу и объявление Францией и Англией войны Германии являлись проявлением борьбы даже не фашистского и коммунистического государств, а всего-навсего — проявлением борьбы двух разных идеологических концепций.

Известно, что социально-политические и идеологические противоречия у Гитлера были не только с социалистическим СССР, были они и с развитыми капиталистическими странами (отношение к диктатуре и демократии, еврейский вопрос, церковный и др.). Но в вопросе о возникновении Второй мировой войны И. Риббентроп им не придает никакого значения, хорошо зная, что в США им придавалась важная роль в выстраивании отношения к Германии⁴. Следовательно, идеологические противоречия не были главным фактором, вызывавшем у Гитлера потребность и готовность к войне с капиталистическими и демократическими странами (Польша, Англия, Франция).

Вторая мировая война, конечно, имела свой идеологический фронт — фронт противостояния между нацистской и коммунистической мировыми концепциями и основанными на них планами организации человеческого общества. Но какую из этих концепций в войне с Германией защищала Польша, Англия, Франция, США? Неужели коммунистическую?

Вторую мировую войну нельзя свести к идеологическому противостоянию. Она была, прежде всего, войной за природные ресурсы, значит, имела характер экономической борьбы стран-конкурентов, а поскольку эта борьба была связана с борьбой за территории, за рынки сбыта и сырья, то она имела характер геополитической борьбы. Борьбы между Германией, с одной стороны, и Англией, Францией и США — с другой, за выживание и уничтожение этой угрозы, исходившей не только от Германии, но и от США, Англии и Франции⁵.

На конъюнктурность такой попытки представить причины и характер Второй мировой войны указывает тот факт, что сам Риббентроп во время проведения судебного процесса Международным военным трибуналом в Нюрнберге в своих рабочих записях и показаниях на допросах, описывая подготовку и ход переговоров в Москве относительно Пакта о ненападении и связанных с ним территориальных проблем, не делает никаких намеков ни на то, что эти переговоры как-то провоцировали начало войны между Германией, с одной стороны, и Англией с Францией, с другой. Ни

---

⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 294. Л. 689–690, 692, 693, 709, 710.

⁵ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. М.: Политиздат, 1990. С. 111–112; *Риббентроп И. фон*. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи: Из наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. М.: Мысль, 1996, 234–235, 272–273. *Polnische Dokumente zur Vor geschichte des Krieges. Erste Folge*. Berlin. 1940. S. 18.

на то, что они послужили основанием для усиления коммунистических настроений в Германии, спровоцировав агрессивную реакцию со стороны национал-социализма против коммунизма⁶. Причины этой войны он усматривает в нежелании Англии учесть германские интересы в отношении Польши⁷.

Адресат его письма — У. Черчилль в своих воспоминаниях, оценивая факт заключения Пакта о ненападении между Германией и СССР, также не дает никаких оснований считать, что он разделяет версию Риббентропа причин возникновения мировой войны и оценки ее характера как противостояния «нацистской и коммунистической мировых концепций». Более того, осуждая этот «противоестественный» акт между двумя «тоталитарными» режимами, он в центр внимания ставит не сам Пакт о ненападении, а его политические последствия — поражение Польши⁸.

Черчилль также цитирует фрагмент из выступления Гитлера накануне переговоров в Москве о заключении Пакта о ненападении с СССР перед военными, сказавшего, что «мы должны быть полны решимости сражаться с западными державами», а также признававшего, что, приняв это «решение весной» (1939 г.), я «думал сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока (имеется в виду Польша. — В.С.)... Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем... Я боюсь только одного, что в последнюю минуту какая-нибудь свинья предложит нам посредничество... Политическая цель идет дальше. Заложена основа для сокрушения гегемонии Англии. После того, как я провел политическую подготовку, та же задача стоит перед солдатами»⁹. Таким образом, У. Черчилль не просто проигнорировал, а фактически отверг версию Риббентропа о том, что отправной точкой Второй мировой войны является подписание пакта о ненападении между СССР и Германией и порожденная им активизация коммунистической и национал-социалистской пропаганды в Германии.

С такой трактовкой Риббентропом причин начала Второй мировой войны и ее характера, согласиться нельзя. Не получила она никакой поддержки или отражения в научных работах отечественных историков, посвященных проблемам заключения Пакта о ненападении между СССР и Германией и началом Второй

---

⁶ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 134–145.

⁷ Там же. С. 145–156.

⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 179–183.

⁹ Там же. С. 180.

мировой войны. Их авторы выражали различные исторические и политические взгляды¹⁰.

Если в контексте этих рассуждений И. Риббентропа рассматривать роль СССР и Англии как сил противостоящих Германии, то получается, что Англия, с которой у Германии были глобальные противоречия экономического и политического характера, не повинна в возникновении Второй мировой войны. А СССР, с которым у Германии были только идеологические противоречия, оказывается у него виновником возникновения мировой войны.

Отметим и то, что такое утверждение Риббентропа входит в противоречие с его же заявлением о том, что Гитлер говорил о целесообразности для Германии выстраивать с СССР долгосрочные мирные отношения. А также о том, что во время их разговора о

---

¹⁰ См: *Канто А.С.* Пакт Молотова – Риббентропа: мистификация или реальность? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011; 1939 год: Уроки истории. М.: Мысль, 1990; *Дульян А.Г.* От Мюнхена до пакта Молотова – Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009, С. 102–119; *Кунгуров А.А.* Секретные протоколы, или Кто подделал Пакт Молотова – Риббентропа. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009; *Кунгуров А.А.* Секретных протоколов не было, или фальшивка, разрушавшая СССР. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011; *Мартirosян А.Б.* Кто проторил дорогу к пакту? М.: Вече, 2009; *Мартirosян А.Б.* Накануне 23 августа 1939 г. М.: Вече, 2009; *Мельтюхов М.И.* Советский Союз и политический кризис 1939 года // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009, С. 164–193; *Мельтюхов М.И.* Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г.: Проблемы источников // *Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала.* Сб. ст. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 266–297; *Нарочницкая Н.А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 8–31; *Рубцов Ю.В.* Сея ветер, пожали бурю... (О московских переговорах весны — лета 1939 года) // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 194–207; *Случ С.З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М.: Права человека, 2006. С. 61–92; *Фалин В.М.* К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 32–101; *Чубарьян А.О.* Международный кризис 1939–1941 гг.: концептуальные подходы и интерпретации // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М.: Права человека, 2006. С. 11–22; *Шубин А.В.* Предвоенный мир глазами Кремля // *Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала.* Сб. ст. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 298–310; *Шубин А.В.* На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения // *Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 120–163.

СССР Гитлер «упомянул гигантское проявление мощи Советского Союза и его доктрин, и в связи с этим он неоднократно упоминал о создании Сталиным Красной армии, назвал это “грандиозным” делом». И дальше он сказал, что, «несмотря на расхождение в мировоззрениях, Германия просто должна была установить хорошие отношения с Советской Россией, так как оба народа должны долгое время жить рядом».

Хорошо известно, кого именно Гитлер считал виновником Второй мировой войны. Знал об этом и Риббентроп. Но эта информация, в данных условиях, была для него крайне нежелательна. Поэтому он игнорировал заявление Гитлера от 7 декабря 1941 г., в котором он обвинял именно президента США Ф. Рузвельта в развязывании Второй мировой войны.

И. Риббентроп об истинных причинах возникновения мировой войны и о том, кто ее организовал, конечно, хорошо знал. Но молчал об этом. А писал то, что могло понравиться в Лондоне и Вашингтоне. Не отрицая роли Германии в ее возникновении, он пытался оказаться полезным руководству тех стран, которые готовили новую мировую войну против СССР, не только их идеологическим противником, но и ставшим для них серьезным геополитическим противником.

* * *

«Лично и конфиденциально.

Сэры,

Радио-сообщения и т.п., которые я не совсем понимаю, но которые, если они правильны, означали бы, что бывшие сотрудники фюрера, спасающиеся кто куда, пытаются унижить фюрера, фальсифицировать его идеи относительно Англии, оклеветать других его бывших сотрудников и т.п. заставляют меня сделать то, что действительно я хотел сделать позднее: отдать себя в распоряжение Британского главнокомандующего. Я сделаю это сейчас. Если бы я не сделал этого, то из-за неясных или пристрастных соображений или недоразумения могло бы возникнуть ложное впечатление.

Если во время продвижения британских войск я направлялся в британскую зону, а не в какое-либо другое место, то я сделал это в надежде, что я смогу легче добраться до Вас, но только после того, как ненависть войны между победителями и побежденными уляжется и уступит место мысли и рассудку, информировать Вас относительно моей последней политической беседы с Адольфом Гитлером.

Эта беседа, во время которой, как это часто случалось в последнее время, глубокое разочарование фюрера и горечь в связи с провалом политической концепции были очевидны, превратилась во что-то вроде последнего призыва и послания к лидерам Британской Империи. Это обращение представляет в то же время, последнее политическое завещание человека, который как великий идеалист любил свой народ больше всего, который жил и боролся за свой народ до последнего вздоха, и в чьей концепции мира англо-германский вопрос всегда был центральным пунктом его политического мировоззрения.

Я не знаю, применяется ли так же к побежденному врагу старый благородный английский обычай честной игры. Я также не знаю, захотите ли Вы выслушать политическое завещание умершего человека. Но я могу представить себе, что содержание завещания может быть применено для излечения ран, которые были нанесены в ходе этой жестокой войны, я далее верю, что конечное выполнение завещания могло бы в эту грозную эпоху существования нашего мира смочь помочь установить лучшее будущее для всех народов.

Что касается меня, то мой долг состоит в том, чтобы сделать все что можно для выполнения этого последнего желания, которое фюрер выразил мне и поэтому я передаю себя в руки британской оккупационной армии.

Если бы Вы пожелали предоставить мне возможность довести до Вашего сведения последнюю беседу с Адольфом Гитлером, то я был бы признателен, если бы я мог сделать лично и устно.

Если я прошу сегодня об этой беседе, то я чувствую, что я должен объяснить Вам следующее:

(1) Я был, как Вам известно, близким сотрудником фюрера во внешней политике в течение многих лет. Я поклялся ему в верности и преданности и, хотя уже давно не имел возможности отстаивать свою позицию и свои цели, сотрудничая с ним, был его верным последователем до его последнего часа. По этой причине, а также потому, что я всегда вместе с ним занимался вопросами внешней политики, и особенно англо-германскими вопросами, Адольф Гитлер доверил мне это. Какое значение он придавал этому вопросу, также показывает следующий инцидент: когда во время русского наступления на Берлин я со своим штабом был отрезан в Науэне и вследствие быстрого окружения не мог вернуться в город, я просил фюрера разрешить мне и моим людям присоединиться к Армии генерала Венка в борьбе за прорыв кольца окружения или, если освобождение Берлина окажется невозможным, я просил прислать

“Storch самолет” для того, чтобы я мог присоединиться к фолькштурму в Берлине и участвовать в этой последней битве на его стороне. Фюрер прислал мне письмо, в котором говорилось, что он ценит мое намерение, но, как он уже ранее выражал свое мнение, он не хотел, чтобы я участвовал в сражениях даже теперь. Я буду нужен позднее, а поэтому должен удалиться за пределы зоны сражения и быть готовым получить дальнейшие инструкции. Такие инструкции больше не пришли, так как события начали совершаться с огромной быстротой. Но я знаю, что, отдавая этот приказ, фюрер имел в виду наш последний разговор, для передачи которого я должен был быть готов.

Несмотря на расхождение во мнениях, которое существовало между фюрером и мной по вопросам внешней политики и по вопросам мирового понимания (Weltauffassung), я до конца пользовался личным доверием Адольфа Гитлера. Я должен придать значение подтверждению этого. Если бы кто-нибудь сказал что-либо противоположное, это было бы неправильным: для этого имеется достаточно свидетелей.

(2) Германскую внешнюю политику на каждом этапе направлял сам фюрер. Ее исполнение было моей задачей. После того как я был назначен главою Германского Министерства Иностранных Дел, я считал своей обязанностью помогать фюреру в достижении справедливых германских требований в Европе — как они изложены Гитлером — дипломатическими средствами. Но в то же самое время я считал столь же важным помогать приспособить динамику национал-социалистской доктрины и ее принципы мировой концепции (Weltauffassung) к потребностям и возможностям внешней политики. Моя работа соответственно концентрировалась на следующей или лучше [сказать] двойной цели:

(а) Концентрирование большей части немцев, проживающих в Европе в пределах Рейха, и ограничение германской внешней политики осуществлением этой цели, и

(б) Развитие принципов мирового понимания (Weltauffassung) партии таким образом, чтобы существование или выполнение таких принципов не подвергало опасностям или делало возможной мирную совместную жизнь и сотрудничество Германии с другими странами. Это особенно должно было касаться вопроса терпимости или лучшего регулирования в церковных делах, в еврейском вопросе, в вопросе коммунизма, масонства и т.д., о чем я всегда просил в своих устных докладах, меморандумах и т.д. Моя работа по осуществлению этих двух целей скоро была заслонена вопросом мировой концеп-

ции (Weltanschauung). События в Германии, о которых я детально еще не информирован, так как вопросы мировой концепции всегда обсуждались отдельно с имеющими к этому отношение партийными властями, вызвали острую реакцию против всех раскольнических тенденций в стране. Когда, после соглашения с Россией в 1939 году, которое было заключено благодаря моему влиянию и посредством которого я имел по крайней мере [возможность] построить мост между национал-социализмом и коммунизмом, коммунистическая пропаганда снова началась в Германии, партия считала, что против тоталитарного требования радикального коммунизма только столь же радикальный национал-социализм может отстаивать свою позицию.

Поэтому вопросы мирового понимания (Weltanschauung) получили постоянно усиливающееся влияние на государственные дела и одновременно заняли первое место в вопросах внешней политики. По сравнению с вопросом сохранения единства германского народа, все другие соображения постепенно теряют свое значение. Когда началась война, то же самое влияние превалировало в оккупированных странах, в которых развивались движения с такими же идеями и доктринами, а политическая жизнь и министерства иностранных дел были ликвидированы. По вопросу мировой концепции у меня были серьезные расхождения во мнениях с Гитлером, что, как я предполагаю, было также причиной того, почему фюрер никогда не приглашал меня на партийные собрания, которые он регулярно проводил: влияние департамента внешней политики на эти вопросы было невозможным в течение нескольких лет, но если фюрер однажды принял решение по вопросу, его политика всегда проводилась согласно принципу фюрера. Когда русско-германские отношения были порваны и началась война с Россией, событие, о котором я, как инициатор германо-русского пакта, более чем сожалел, все было подчинено антикоммунистическому пароллю.

Я упомянул эти факты только для того, чтобы показать, что уже в течение продолжительного времени фюрер рассматривал эту войну как войну между нацистской и коммунистической мировой концепцией. Все другие проблемы, например собирание воедино германского народа, согласие европейских государств, посредством чего территориальные вопросы держались открытыми (хотя территории, оккупированные немцами, не попадали под наблюдение моего министерства, фюрер всегда соглашался со мной относительно того, чтобы держать эти вопросы открытыми для нашей

будущей политики с Великобританией на старых линиях), всегда рассматривались с той же самой точки зрения. В нашем последнем разговоре эта основная идея выступила на передний план, когда, я хорошо помню, фюрер в разговоре о войне неожиданно повергнулся ко мне и сказал: “Вы увидите, мой дух поднимется из могилы и будет видно, что я был прав”.

По одному пункту было полное согласие между фюрером и мной, это относительно того, что сильная и объединенная Германия, является предварительным условием для стабильной и процветающей Европы, могла бы существовать только в результате длительного сотрудничества с Великобританией. Что фюрер и я сам сделали, вначале я один, а затем как его посланник, для реализации этой англо-германской концепции в течение последней четверти столетия, известно всем заинтересованным людям. Я верю, что сделано было очень много. Я имею намерение изложить факты в хронологическом обзоре развития внешней политики с 1933 года. Здесь я хотел бы сказать только следующее: несмотря на все разочарования и горечь в связи с повторными английскими отказами принять германские предложения, англо-германское сотрудничество всегда было политическим кредо фюрера до его последнего часа. Он часто говорил в сильных выражениях о британской политике, которую он не понимал, но каждый, кто знал фюрера, ясно отдавал себе отчет, что одной из наиболее выдающихся черт его характера, было то, что, хотя он и был импульсивным, он никогда не изменял своих основных убеждений. По этой причине все те годы, когда я работал для него, во всех наших беседах о внешней политике, он всегда возвращался к этому кардинальному пункту. Каждый шаг, политический, военный и т.д. в течение этих лет всегда делался с учетом этого решающего вопроса, т.е. достижения соглашения с Великобританией. Для внешнего мира это иногда не было известно, и все же это было так. То, что Англия объявила войну Германии из-за польского вопроса, войну, которой обе страны хотели избежать любым путем и которую я пытался и едва не сумел предотвратить в последний момент, явилась, в конце концов, сильным ударом для фюрера.

Теперь незадолго до горького конца и своей смертью Гитлер проявил себя еще раз, несмотря на очень плохое состояние своего здоровья, свойственным ему старым бесхитростным путем. Он с необычайной ясностью совершенно обособился от событий дня, военное положение и политические комбинации дали мне пространный обзор предстоящего развития мировой политики, как

он видел это. Он почти пророческим образом указал на решающее значение, которое в этом столетии образования больших объединенных политических пространств (*grossraumgestaltung*), должно быть уделено англо-германским отношениям и отсюда также отношениям с нынешними врагами с США, Советским Союзом, Францией и т.д. Он сказал, какой вклад после этой проигранной войны может быть сделан германской стороной в дело установления стабильного равновесия между крупными политическими районами для того, чтобы вновь и неотразимо не развилась новая военная катастрофа в Европе над Британской Империей и во всем мире.

Мы говорили о России, и фюрер упомянул гигантское проявление мощи Советского Союза и его доктрин, и в связи с этим он неоднократно упоминал о создании Сталиным Красной армии, назвал это “грандиозным” делом. И дальше он сказал, что, “несмотря на расхождение в мировоззрениях, Германия просто должна была установить хорошие отношения с Советской Россией, так как оба народа должны долгое время жить рядом”. Мы также говорили о Японии, для которой был прегражден доступ к сырью и которая должна сегодня вести из-за этого тяжелую войну. Мы также говорили о США. Гитлер сожалел о войне с Америкой, так как у нас не было возможных разногласий с этой большой страной. Мы с самого начала всегда сожалели об этой войне и делали все возможное для того, чтобы предотвратить ее даже тогда, когда наши корабли подверглись нападению. Фюрер сказал, что обязательно должны быть достигнуты хорошие и продолжительные отношения с США. Народы Японии и США должны будут сыграть свою роль в деле равновесия сил и в международном сотрудничестве. Но постоянно во время этого разговора фюрер возвращался к вопросу англо-германских отношений в рамках европейской политики с другими державами, Францией, Италией, и к этому равновесию сил в мире. Это был один из самых гармоничных разговоров, который я когда-либо в течение долгого времени имел с фюрером, и я полностью соглашался со всеми его взглядами, так как долгое время я предлагал начать переговоры о прекращении кровопролития путем достижения на этой базе соглашения между всеми странами. Но все попытки никогда не осуществлялись.

Господа, Вы выиграли войну, и Вы держите всю силу в своих руках. Могу ли я как последний Министр Иностранных Дел побежденной нации и как человек, который, несмотря на всю горечь

войны и всю неправду относительно приписываемого ему антагонизма или “ненависти” к Англии, [хотя] всегда считал Англию своей второй родиной и которой всегда хотел, так же как и сам фюрер, Англо-Германского союза, отметить следующее:

Огромная непостижимая для меня волна ненависти захлестывает в настоящее время побежденную германскую нацию. Когда Англия была одно время в тяжелом положении, когда в конечном счете было возможно, что Англия может не выиграть эту войну, то тогда летом 1940 года в штабе западного фронта фюрер говорил со мной о предстоящем мире с Великобританией, “мире, который — как он выразился — не должен подорвать каким-либо образом престиж и достоинство Англии в мире” и “с англо-германским миром должен быть заключен пожизненный союз между двумя великими нациями”. Нужно было бы только договориться о возвращении одной или двух германских колоний в качестве удовлетворения справедливого требования Германии. И это было все, и я полностью соглашался с фюрером. По сравнению с этим сегодня концентрационные лагеря берутся как повод в весьма серьезной кампании против немецкого народа. Поскольку все, что заявляет по этому вопросу в настоящее время немец, немедленно придается гласности — то здесь мне трудно что-либо сказать по этому вопросу. Но в этом письме, которое я адресую Вам лично и которое является конфиденциальным, я хотел бы сказать следующее: любое нечеловеческое обращение с пленными является недопустимым действием, и каждый порядочный немец пожелает, чтобы я выразил сожаление об этом и всем сердцем осудил их. Я хочу настоятельно заявить об этом и разъяснить далее одну вещь: ни я, ни большинство, уверен, моих коллег в бывшем правительстве не имели ни малейшего представления о том, что делалось в концентрационных лагерях, каковы в них были условия существования и совершались ли так какие-либо преступления, как об этом заявляют ежедневно в радиопередачах. Возможно, это вызовет удивление, но для человека, знакомого с нашей системой управления, это вполне понятно. Когда однажды я узнал из дипломатических сообщений о том, что в дипломатических кругах за границей горячо обсуждается плохое обращение с евреями в концентрационном лагере в Польше, я тотчас же передал это сообщение фюреру и настаивал на немедленном изменении существующей там обстановки, если сообщение соответствует действительности. Фюрер оставил сообщение у себя, чтобы ознакомиться с делом, но дал мне ясно понять, что этот вопрос входит

в компетенцию внутренних органов. Поверьте, что я пишу это не для того, чтобы снять ответственность, но только потому, что это истинная правда. Но я спрашиваю, можно ли обвинить всю страну за крайности, проявленные отдельными личностями, как это делается сейчас, крайности, которые, я думаю, встречались в истории всех государств!? Что же касается моего отношения к вопросу о пленных, отношение которое имело жизненное значение для пленнх всех стран, сражавшихся против нас — американских, английских, русских, французских и т.д., то я до последнего дня стоял на соблюдении Женевской Конвенции и даже больше.

В этой связи я припоминаю разговор с фюрером, в котором он сравнивал обращение бывшего правительства с национал-социалистами в период до 1933 года с обращением фюрера [с] его политическими противниками после 1933 года. Это правительство посадило фюрера и его людей в тюрьму, тогда как он платил своим противникам, быв[шим] социал-демократам, таким как Зеверинг, Носке и д.[р.], хорошие пенсии и т.д.

Несколько дней тому назад было опубликовано, что немецкие вооруженные силы сражались нечестно и что немецкий народ должен снова изучать правила приличия.

Сэры, может ли кто-либо сказать это о побежденном противнике, который храбро сражался, и о народе, который приложил сверхчеловеческие усилия для своей страны и который потерял все? Может ли кто-либо низвести немцев, которые как патриоты — как характеризует их каждый англичан, каждый член славной, гордой нации — только выполняли свой долг перед своей страной, до военных преступников и наказать как таковых? Я хотел бы обратиться к великодушию победителей.

В заключение этого письма, за длинноту и английский язык которого я должен просить Вашего снисхождения, я хотел бы сказать следующее:

Я был патриотом всю свою жизнь. Я отдал себя в распоряжение Адольфа Гитлера, желая помочь ему спасти нашу страну из руин в 1933 году, и построить сильную и единую Германию в Европе и одновременно без войны добиться англо-германского союза, т.е. путем дипломатических переговоров. Это было моей совершенно ясной целью. Что касается вопросов “Weltauffassung”, то я всегда был противником радикальной партийной программы. Я всегда противился политике, направленной против евреев, против церкви, масонов и т.д., которую я считал принципиально ошибочной, и которая привела к громадным трудностям во внешней политике. Эта моя

позиция была известна не только фюреру. Когда все-таки началась война, я, конечно, с этого дня занял позицию твердой решимости и полной уверенности в германской победе по внешним и внутренним причинам. Эта позиция была также известна. Но эта позиция не мешала мне постоянно иметь в виду возможность договориться с противниками для того, чтобы воспользоваться первым случаем для заключения мира. В моих наиболее интимных беседах с фюрером я постоянно ставил перед ним этот вопрос и убеждал его разрешить мне сделать что-либо в этом отношении, но он после бесплодной мирной попытки добиться в рейхстаге в 1940 году скептически отнесся к моим планам и попыткам в этом направлении. Несмотря на многочисленные конфиденциальные попытки добиться мира, благодаря непреклонной позиции противника не было ни одного серьезного повода для прекращения этой войны. Война проиграна для Германии. Несмотря на это, я непоколебимо убежден, что осуществление действительной дружбы между английским и германским народами является существенной необходимостью для длительного существования обоих народов. Фюрер был такого же мнения и поэтому поручил мне информировать Вас, если возможно, о его соображениях и идеях, касающихся этого сотрудничества и совершенно новой формы, которая, по его мнению, должна быть найдена для этого. Чтобы выполнить эту последнюю миссию, я вручаю свою судьбу в Ваши руки.

(Подпись) Иоахим фон РИББЕНТРОП

Я был бы признателен, если бы это письмо можно было бы не публиковать. Я буду просить фельдмаршала Монтомгери послать его Вам как личное и конфиденциальное»¹¹.

* * *

Интересен вопрос, чем руководствовался У. Черчилль, направляя это письмо, содержание которого уже не имело никакого политического значения, И.В. Сталину. Ясно, что какую-то цель он преследовал. Возможно, что накануне Потсдамской конференции, он хотел политически актуализировать версию об ответственности СССР, заключившего Пакт о ненападении с Германией, за начало Второй мировой войны. Эта тема могла быть, при необходимости, поднята на этой конференции или на предстоящем судебном процессе.

На заседаниях Международного военного трибунала в Нюрнберге она действительно была поднята и Советский Союз начал

---

¹¹ Там же. Л. 66–77.

представляться не только как жертва германской агрессии, но и как виновник начала Второй мировой войны. При этом представители Англии добились запрета использовать документы и показания, освещавшие германо-английские отношения накануне этой войны и изобличающие роль Англии, как провокатора ее.

Аналогичные запреты СССР относительно истории заключения Пакта о ненападении судьями МФЦ в Нюрнберге фактически игнорировались, т.к. решения принимались судьями в процессе голосования. При этом ОДИН судья от СССР противостоял (и, в результате, уступал) ТРЕМ судьям — от США, Англии и Франции. Этому также способствовало и то, что в основе применяемого Трибуналом права, лежало англо-саксонское право.

В результате версия о вине и ответственности СССР за происхождение Второй мировой войны получила широкую международную известность и стала доминировать в мире. И доминирует до сих пор в силу разных исторических обстоятельств и политических причин.

Начиналась «холодная война», и первой политической атакой западных демократий в ней стал вопрос об ответственности СССР за начало Второй мировой войны.

* * *

Этим письмом У. Черчилля И.В. Сталину и данным приложением к нему фактически завершилась содержательная часть переписки между ними. Вслед за ним в течение 7 лет последовало еще 4 письма от Черчилля и 3 письма и один устный привет от Сталина, носившие, как правило, формальный характер.

2 августа 1945 г. собравшиеся на последнее заседание Потсдамской конференции Сталин, Трумэн и Эттли направили бывшему Премьер-Министру Великобритании Черчиллю и бывшему Министру иностранных дел Великобритании Идену свои послания.

В послании У. Черчиллю говорилось: «Президент Трумэн, Генералиссимус Сталин и премьер-министр Эттли, собравшиеся на заключительное заседание Берлинской конференции, желают отправить приветственное послание Уинстону Черчиллю. Они хотят поблагодарить его за всю работу во время первой части Берлинской конференции, которая значительно помогла заложить основания для успешного ее завершения. Они вспоминают с благодарностью неустанные усилия и неукротимый дух, с которым на прежних конференциях и на всем протяжении войны он служил нашему

общему делу победы и прочного мира. Всему миру известно величие его работы, и она никогда не будет забыта»¹².

В послании А. Идену Сталин, Трумэн и Эттли слали ему «свой привет и благодарность за его помощь во время первой части конференции», писали, что «помнят его ценную деятельность во время прежних конференций и международных совещаний, которая в большой степени способствовала делу победы, единства и мира»¹³.

Эти послания были опубликованы в газете «Известия» в августе 1945 г. У. Черчилль И.В. Сталину не ответил. Идеен 10 августа 1945 г. ответил Сталину. «Мне было очень приятно, — писал он, — получить любезное послание, которое Вы, г-н Трумэн и г-н Эттли, направили мне с Берлинской конференции. В свою очередь осмеливаюсь заявить, что я весьма ценю те многие встречи, которые я имел с Вами и г-ном Молотовым в течение последних нескольких лет, когда мы работали вместе, поддерживая такие хорошие отношения»¹⁴.

В декабре 1945 и 1946 гг. У. Черчилль два поздравления И.В. Сталину с днем рождения. Сталин отвечал Черчиллю аналогичным образом.

21 декабря 1945 г. было направлено «Личное послание Генералиссимусу Сталину от г-на Черчилля», в котором он писал: «Добрые пожелания по случаю дня рождения»¹⁵. Телеграмма Черчилля была получена в Москве только 22 декабря. И.В. Сталин в это время находился на отдыхе. Проект ответа Черчиллю подготовил В.М. Молотов. Сталин внес в него небольшую правку — вписал слово «Вас»¹⁶. Окончательный текст ответа Сталина, озаглавленный как «Личное послание г-ну У. Черчиллю от И.В. Сталина», был таков: «Благодарю Вас за Ваши пожелания ко дню моего рождения.

Я находился в отпуске и только теперь, к сожалению, с запозданием шлю Вам мои наилучшие пожелания ко дню Вашего рождения»¹⁷.

Через год, 21 декабря 1946 г. в 19 часов личный секретарь Черчилля мисс Гиллиатт сообщила в Посольство СССР по телефону текст поздравительной телеграммы Черчилля Сталину с просьбой передать в Москву:

---

¹² Там же. Л. 93.

¹³ Там же. Л. 93.

¹⁴ Там же. Л. 95 и 96 (подлинник).

¹⁵ Там же. Л. 100–101 (подлинник).

¹⁶ Там же. Л. 104.

¹⁷ Там же. Л. 103.

«Его превосходительству Маршалу СТАЛИНУ. Москва.
Все добрые личные пожелания в день Вашего рождения, мой
товарищ военного времени.

Уинстон Черчилль»¹⁸.

В ответ из Москвы в Лондон чрезвычайному и полномочному
посланнику К.М. Кукину была направлена телеграмма за подписью
В.М. Молотова: «По получении письменного подтверждения по-
здравления Черчилля, направьте в своем письме следующий ответ
тов. Сталина:

«Его превосходительству г-ну Уинстону Черчиллю,
Лондон.

Сердечно благодарю за добрые пожелания по случаю моего
рождения.

И. Сталин»¹⁹.

В феврале 1947 г. произошел обмен приветствиями. И.В. Сталин
через фельдмаршала Монтгомери направил Черчиллю «любезный
и сердечный привет» и получил от него письмо, переданное 26 фев-
раля 1947 г. послу СССР в Великобритании г.Н. Зарубину, который
передал его текст в Москву:

«Мой дорогой Маршал Сталин,

Я был очень рад получить через Фельдмаршала Монтгомери
Ваш любезный и сердечный привет. Я постоянно вспоминаю наши
товарищеские отношения в те годы, когда все было поставлено на
карту.

Я так же был счастлив узнать от Монтгомери, что вы в добром
здравии. Ваша жизнь драгоценна не только для Вашей страны, ко-
торую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией
и Великобританией и даже всем говорящим на английском языке
миром, дружбы от которой зависит будущее счастье человечества.

Верьте мне,

Искренне Ваш

Уинстон С. Черчилль»²⁰.

Прошло еще почти четыре года и 5 ноября 1951 г. в 7 час. 15 мин.
утра в Москве была получена телеграмма из Посольства СССР
в Англии («Спец. № 1035». «ВНЕ ОЧЕРЕДИ»): «В полночь с 4 на
5 ноября мне позвонил по телефону Черчилль и просил передать
следующее послание И.В. Сталину:

---

¹⁸ Там же. Лл. 105, 107 (текст на английском, подписанный Гиллиатт).

¹⁹ Там же. Л. 108.

²⁰ Там же. Лл. 112, 113 (подлинник на английском языке).

«Теперь, когда я вновь во главе правительства его величества, позвольте мне ответить одним словом на Вашу прощальную телеграмму из Берлина в августе 1945 г.:

“Привет” (greetings)

Уинстон Черчилль.

4 ноября 1951 г.»²¹

Далее в телеграмме из посольства СССР в Лондоне говорилось: «На мой вопрос, будет ли прислан текст послания в письменном виде, секретарь Черчилля пояснила, что премьер сейчас находится за городом, поэтому текст приветствия будет прислан в посольство утром 5 ноября.

На наше обращение дежурный форейн-оффисе подтвердил, что Черчилль действительно звонил в посольство»²².

5 ноября в 15 час. 30 мин. из советского посольства в Лондоне в Москву поступила телеграмма: «Утром 5 ноября в письме на мое имя личный секретарь Черчилля подтвердил текст послания премьеру И.В. Сталину, переданного в нашем 1035»²³.

Получив эту информацию, Сталин 6 ноября 1951 г. ответил Черчиллю. В архиве И.В. Сталина хранится рукопись его ответа²⁴ — это единственная рукопись из этой переписки. В тот же день из Москвы советскому послу в Лондон ушла телеграмма следующего содержания:

«Немедленно передайте по назначению следующее послание И.В. Сталина:

«Уинстону Черчиллю

Премьер-министру Великобритании

Благодарю за привет!

И. Сталин.

6 ноября 1951 года».

Исполнение немедленно телеграфируйте.

ГРОМЫКО»²⁵.

Других контактов личного характера между Черчиллем и Сталиным в доступной части архива И.В. Сталина не обнаружено. Удивляться не приходится. Черчилль, став премьер-министром Великобритании, не стал другом (т.е. не врагом), как было во время Великой Отечественной войны, он оставался недругом, т.е. врагом.

---

²¹ Там же. Л. 116.

²² Там же. Л. 116.

²³ Там же. Лл. 117, 118 (текст письма личного секретаря Черчилля с подтверждением текста послания Черчилля Сталину.

²⁴ Там же. Л. 120 (рукопись).

²⁵ Там же. Л. 119.

Литература

Монографии

Капто А.С. Пакт Молотова – Риббентропа: мистификация или реальность? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

1939 год: Уроки истории. М.: Мысль, 1990.

Статьи

Дульян А.Г. От Мюнхена до пакта Молотова – Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009, С. 102–119.

Кунгуров А.А. Секретные протоколы, или Кто подделал Пакт Молотова – Риббентропа. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009.

Кунгуров А.А. Секретных протоколов не было, или фальшивка, разрушавшая СССР. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.

Мартirosян А.Б. Кто проторил дорогу к пакту? М.: Вече, 2009.

Мартirosян А.Б. Накануне 23 августа 1939 г. М.: Вече, 2009.

Мельтюхов М.И. Советский Союз и политический кризис 1939 года // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009, С. 164–193.

Мельтюхов М.И. Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г.: Проблемы источников // *Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала.* Сб. ст. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 266–297.

Нарочницкая Н.А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009. С. 8–31.

Рубцов Ю.В. Сея ветер, пожали бурю... (О московских переговорах весны — лета 1939 года) // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009. С. 194–207.

Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М.: Права человека, 2006. С. 61–92.

Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009. С. 32–101.

Чубарьян А.О. Международный кризис 1939–1941 гг.: концептуальные подходы и интерпретации // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М.: Права человека, 2006. С. 11–22.

Шубин А.В. Предвоенный мир глазами Кремля // *Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала.* Сб. ст. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 298–310.

Шубин А.В. На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения // *Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М.: Вече, 2009. С. 120–163.